

СОДЕРЖАНИЕ

1. Расставание родителей и бессознательное ребенка.....	7
2. Говорить или не говорить?.....	20
3. Позитивная роль обязанностей.....	36
4. Отношения с новыми партнерами родителей.....	70
5. Отношение к двум семейным или этническим линиям.....	79
6. Работа кастрации	86
7. Ребенок и школа.....	106
8. Ребенок в суде.....	115
Приложение.....	136

1

РАССТАВАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ РЕБЕНКА

ИНЕС АНЖЕЛИНО. Не сказываются ли разногласия и ссоры родителей на ребенке не меньше, чем их расставание или развод?

ФРАНСУАЗА ДОЛЬТО. Как ребенку не почувствовать угрозу единству своей личности, своему динамизму в семье, где родители постоянно ссорятся? Многие из этих детей испытывают сильную тревогу и спрашивают родителей: «Вы собираетесь разводиться?». Они хотят знать, планируют их родители разводиться или они собираются продолжать ссориться, но жить вместе. Дети же логические существа. Поэтому родители должны объяснить им разницу между взаимными обязательствами мужа и жены друг перед другом и обязательствами родителей перед детьми. В случае разногласий, расставания или развода слово, данное детям, не нарушается. Развод узаконивает состояние разногласия и кладет конец атмосфере ссор, а также наделяет иным статусом детей. Для них развод – прежде всего, тайна, но он не должен ею оставаться: развод – это юридическая процедура, решающая проблемы, в том числе и детей. Так можно его объяснить в кабинете психолога или врача, когда родители приходят вместе с детьми, например, когда известно, что они не ладят друг с другом, и они начинают говорить: «Мы собираемся разводиться».

Развод часто вызван появлением третьего в качестве потенциального супруга или супруги, но так бывает не всегда. Иногда развод проясняет ситуацию непонима-

ния, которое только усугубляется по мере того, как дети становятся старше, сами дети при этом тщетно пытаются вернуть прошлую атмосферу в семье. Также бывает, что в пубертате подростки начинают настоящую войну с одним из родителей под предлогом того, что второй родитель кажется им несчастным. Они встают на сторону одного из родителей. Во всех этих случаях развод проясняет ситуацию для ребенка при условии, что все четко проговаривается перед остальными членами семьи и друзьями.

То есть мы видим, что дети позиционируют себя в треугольнике по отношению к обоим родителям. И следует напомнить, что вот уже сорок лет клиника основывается на активности и знании младенца, потому что, как сегодня хорошо известно, он отнюдь не пассивен и многое знает. Помимо того, что принято называть «диадой мать-ребенок», клиника и теория делают упор на триангуляции мать-отец-ребенок, возникающей уже при зачатии. Кроме этого, ты настаиваешь на роли родственных сетей, в которые включен ребенок.

Термин «диада мать-ребенок» принадлежит доктору Бержу. Эта диада действительно существует, она охватывает тот период, когда грудного младенца невозможно отделить от матери, не спровоцировав экзистенциальный разрыв¹. Это состояние слияния организма ребенка с организмом матери. Нарушение или даже длительное прерывание этого состояния вызывают последствия, которые могут быть не особенно замет-

---

¹ F. Dolto. Le cas d'Agnès : à quelques jours, perte de l'image du corps olfactive ; se laisse mourir // L'Image inconsciente du corps. Paris, Ed. du Seuil, 1984, p.66 sq.; «Le cas de Sébastien : une entrée dans l'autisme à cinq mois », ibid., p. 238 sq

ны в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе производят неизгладимое действие. Следы этого преждевременного разрыва и его последствий позднее обнаруживаются в психоанализе взрослых как очень опасные этапы, пережитые после рождения. Диада в течение семи, восьми, девяти месяцев максимум, продолжает жизнь зародыша в материнской утробе. Но она, ни в коей мере не исключает триангуляции мать-отец-ребенок, одной из вершин которой ребенок был в момент его зачатия, триангуляции, существующей с этого самого момента. Для ребенка мать «двухголоса». Еще со времени пребывания в утробе он лучше воспринимает голос отца, разговаривающего с матерью, чем голос матери. И его мать для него становится еще более живой, когда с ней разговаривает отец.

Для многих детей мать двухголова, если отец — любящий и заботливый и много времени проводит дома. Но, как я сказала, мать всегда двухголоса, еще со времени беременности: есть мать, чей голос ребенок хуже разбирает из-за высоких звуков, и есть голос мужчины, который во время пребывания в утробе всегда слышен лучше. То есть отец всегда занимает для ребенка маркированное место.

Но мать также должна в дальнейшем, говоря с ребенком, подчеркивать, как важен для нее голос отца. Или же матери, если так можно выразиться, «украшают себя» ребенком, делают его своим орудием, это только их ребенок, и они ничего не делают для того, чтобы ребенок вступил в контакт с отцом, тогда как они должны говорить с ним об отце. Например, говорить: «Вот твой папа. Знаешь, когда ты был у меня в животе, он с тобой разговаривал». Они редко это делают.

У многих матерей развиваются собственнические чувства в отношении ребенка, особенно если это маль-

чик. Они не могут так сильно присвоить девочек, потому что девочки смотрят в сторону отца. Но мальчики легко попадают в сети своих матерей, которые, совершенно бессознательно, представляют для них их сексуальное дополнение. В присутствии отца младенец мужского пола говорит себе: «А этот еще, что здесь делает? Если маме не нравится, что он тут, то мне и подавно». Если же она довольна, то приходится с этим «мириться». А потом он узнает голос своего отца. Особенно если он с ним говорит, а мать говорит с отцом. Отец приобретает важность в жизни маленького ребенка только за счет того, что мать с ним о нем говорит, и того, как она это делает. Тогда как девочка – даже если мать не разговаривает с ней об отце – непосредственно реагирует на него в его присутствии, он притягивает ее напрямую. Эта притягательность исходит не только от голоса, но и от запаха мужчины и от чего-то, что нам еще неизвестно, пока еще неизвестно. Отец – прототип всех мужчин для девочки; и девочку интересуют все мужчины, если только мать не настолько настроена против мужчин, что не может их терпеть. Тогда девочка чувствует, что окажется в смертельной опасности, если приблизится к мужчинам.

Это различие между мальчиками и девочками прекрасно заметно на их лицах в первые дни жизни. В комнату входит мужчина, мальчик не поворачивает головы в его сторону, наоборот, он прячется, прижимается к матери, хватается за мать руками, чтобы та от него не отвлеклась, тогда как девочка перестает сосать и смотрит, кто пришёл, затем возвращает к соску: есть сила желаний, которая ее влечет – если только она не голодная. Зато, если в комнату входит женщина, она не обращает внимания и продолжает сосать.

Очень интересно наблюдать за этим различием в очень раннем поведении. В дальнейшем это поведение может никак не проявляться в силу бессознательного воспитания, которое мать дает ребенку. В любом случае, это хорошо заметно, это нечто инстинктивное, изначальное, бессознательное.

То есть уже есть половое различие?

Да. С другой стороны, присутствие отца при родах, если он желает увидеть рождение своего ребенка, — гарантия для матери. Раньше при родах обычно присутствовала бабушка со стороны матери. Теперь же роженицы предпочитают, чтобы рядом находился муж, и я уверена, что для ребенка лучше, если его встречает голоса и радость обоих родителей, а не античный «хор» в лице его бабушки, которая некоторым образом видит в родах своей дочери свои собственные роды, когда она ее рожала. Можно сказать, что ребенок, рождающийся в присутствии двоих родителей, сразу же оказывается в настоящем, открывающемся в будущее, тогда как если его принимают повитухи и бабушки, то это отсылает его к предкам.

Говоря о моментах, которые следуют за рождением, ты упоминала триаду: «Первые части счастливой близости в триаде мать-младенец-отец незаменимы для образования постнатальной символической связи»². А присутствует ли эта связь, когда младенец сосет молоко матери?

Я уже говорила об этом в другой книге, но полезно будет напомнить и здесь: «Эта связь устанавливается че-

---

² F. Dolto. La Difficulté de vivre. Paris, Carrère Éditeur, 1986, p. 355.

рез опыт, проживаемый в теле: ребенок в своем теле получает подтверждение своего права на жизнь благодаря той полноте, которую несет грудь, полная молока. А если он видит мать, которая дает ему грудь, с другим человеком, если он видит, что она говорит с ним об этом человеке, а этот человек говорит с ней, тогда все, что он получает от матери, приходит от слова отца — это олицетворение обогащения жизненной силы ребенка. Ребенок наполняется радостью от того, что отец — источник эмоций для матери, которая, обращаясь к нему, становится источником эмоций для ребенка. Они втроем несут ответственность друг перед другом за генетическую связь между ними, затем после рождения — через отношения с частичным фаллическим объектом, удовлетворяющим потребность. Тогда как треугольная связь любви адресуется желанию: именно потому, что ребенок видит мать в другой паре, не только в той, которую он с ней образует, для него приобретает смысл будущая сознательная сексуация при виде желания другого в любви»³.

В этой близости оба родительских полюса воспринимаются младенцем как «достойные доверия». А бывают варианты этой триангуляции?

Есть множество вариантов, некоторые из которых «вызывают вопросы» у ребенка. Поскольку когда один из родительских полюсов связан с другим человеком, не с отцом или матерью, чтобы этот третий стал «достойным доверия», его роль должна быть объяснена ребенку. Нужно дать ему логичное объяснение с учетом аф-

---

³ F. Dolto. Séminaire de psychanalyse d'enfants. T. II. Paris, Éd. du Seuil, 1985, p. 139.

фективной связи между одним из этих полюсов и этим человеком.

А что касается «родственных сетей», о которых ты говоришь, это ситуации, в которых ребенок переносит на других людей триангуляцию отец-мать-ребенок, когда он находит ее в отношениях с другими людьми.

Эту триангуляцию можно заметить?

Это хорошо заметно в играх маленьких детей. Кроме того, это видно в детских рисунках и в образе жизни ребенка начиная с семи лет. Если это мальчик, ему для равновесия нужен товарищ-мальчик, пусть даже воображаемый, с которым он может говорить. Это и есть триангуляция⁴. Но даже если потом другие люди занимают место первых, все равно должны быть эти три персонажа, чтобы ребенок — мальчик или девочка — ощущал себя в состоянии динамического равновесия. Потом, исходя из этих троих, образуются пятеро — я имею в виду бессознательную структуру социальности и проекции в социальность.

А почему пятеро?

Эти двое одного и того же пола — мальчик со своим лучшим другом, девочка с лучшей подругой. Это «друг-друг», «подруга-подруга» в целомудренной гомосексуальности. Товарищ того же пола служит мальчику вспомогательным «я», у этого товарища, в свою очередь, есть лучший друг, его вспомогательное «я», есть подруга-девочка, о которой они говорят. То же самое у девочек.

---

⁴ F. Dolto. Dialogues québécois. Paris, Éd. du Seuil, 1987, p. 148.

Вспомогательное «я» таким образом, целомудренно помогает ребенку перенести триангуляцию отец-мать-ребенок, на пятерых, основывающих бессознательную структуру социальности и проекции в социальность. Это целомудренное вспомогательное «я» играет важную роль в структурировании: отсутствие сестры в случае мужчин, брата в случае женщин и слишком затянувшиеся сексуальные игры ей не благоприятствуют.

Зато когда девочке или мальчику удалось структурировать себя в целомудрии дружбы впятером, у них может появиться возлюбленный или возлюбленная. Отсутствие этой структуры осложняет их взрослую жизнь в паре.

Это было долгое отступление, но оно проясняет, чем именно расставание родителей угрожает детям.

Полагаю, что нужно даже немного сгустить краски и отметить заблуждение, часто связанное с диадой. Люди стали думать об этой диаде как о догме, общество захотело, чтобы ребенок продолжил эту «кормящую диаду» с матерью и чтобы не было исходных трех человек, а это не всегда возможно. Если на первый взгляд есть кормящая диада с матерью, то потому, что мать для ребенка включает в себя и представляет отца. И отец тоже включает в себя и представляет мать для маленького ребенка. Для ребенка отец или мать — двойное существо: «мама-папа» или «папа-мама». И эти «мама-папа» и «папа-мама» не являются источником путаницы с полом. Если же такая путаница у ребенка есть, то она происходит не в его собственном теле. Потому что ребенок чувствует, что его больше влечет к одному из родителей. Свой идеал жизни он видит во взрослом, которым ребенок станет: он станет мужчиной с женой, она станет женщиной с мужем, потому что у папы «есть» мама, а у мамы «есть» папа.

Да, внутри этой триангуляции могут быть потрясения. Я говорю сейчас о бессознательной структуре отсылки всего либидинального поведения, возникающего на оральном и анальном уровне: *речь, слух, зрение*, соотносящиеся с оральностью; *делание и производство*, соотносящиеся с анальностью. Поэтому в зависимости от идеала ребенок, всегда имеющий отца в качестве референции, может, тем не менее, если так можно выразиться, «сменять пол», если более активные, эмиссивные импульсы будут исходить от матери: если у нее громкий голос, тяжелая рука и она всем заправляет в доме. Впрочем, женщина умеет ограничивать воображение ребенка, чтобы поддержать его при столкновении с реальностью. Бывает, что отец, полноценный мужчина в генитальных отношениях с женой, дома, однако, являет пример человека слишком сдержанного, слишком внимательного, слишком рефлексивного. В этом случае для мальчика больше пассивных импульсов исходит от отца, чем от матери. Но если воспитывающая его женщина, наделенная всеми этими родительскими качествами, дает ему закон одна, тем более если у отца наблюдается недостаток аффективности и если он несостоятелен в генитальных отношениях с женой, мальчик рискует стать гомосексуалистом: то есть с его точки зрения, чтобы быть кем-то, нужно быть женщиной. Он хранит в себе знание о том, что стать мужчиной — значит стать мужественным, но мужественным по образцу своей матери. Почему бы нет, если есть только такой образец? В момент Эдипа активные влечения мальчика, которые должны инвестироваться в половую сферу, не могут этого сделать. Возникает противоречие между активными, эмиссивными влечениями, выраженными матерью, и фантазмом о ее пенетрации. Как он может

развиваться пениальное тело в пику матери, которая сама окружена пениальным телом?

Опасность может возникнуть и для девочки, если вместо того, чтобы идентифицироваться с матерью, она выберет в качестве вспомогательного «я» свою школьную учительницу и этот выбор отразится и на образе матери, и на образе отца. Если ей будет казаться, что отец играет в доме второстепенную роль, школьные знания о реальности — знание окажется ценнее воображения — могут блокировать девочку в аффективной нейтральности, сделав из нее лесбиянку, которая сама себя не понимает, и при этом, не разрешив ее эдипов комплекс: с ее точки зрения нужно быть нейтральной и активной дома, чтобы стать полноценной женщиной.

В обоих случаях в реальности общения с другими людьми пытается проявить себя бессознательная структура.

Бессознательная триангуляция родитель-ребенок может привести к противоречивым следствиям. Так, ребенок, которого воспитывает родитель-одиночка и который вынужден с ним идентифицироваться, вынужден искать выход для своих активных и пассивных влечений в одном и том же человеке, воплощающем в себе два полюса исходной триангуляции. Проблема, встающая перед ребенком, — чисто человеческая проблема — не сводится к простому вопросу поведения. Речь идет вовсе не о поведении. В такого рода идентификации для субъекта дело в чем-то более святом, нежели мораль, потому что оно затрагивает бессознательную структуру, касается ее динамики в самом важном ее моменте — поле.

Так субъект может прийти к перверсиям в отношении морали, к аберрациям, которые «священны» для

его этики, сфальсифицированной событиями его детства, потому что он не мог найти во внешнем мире двух человек, которые бы представляли для него триангуляцию начала жизни. Естественно, подобные ситуации нередко возникают после развода. В частности, у мальчиков, остающихся жить со своими матерями.

Если вернуться к более общему случаю, как ребенок переживает разрыв связи, который влечет за собой развод?

Следует знать, что в жизни ребенка есть три континуума:

- континуум тела;
- континуум аффективности;
- социальный континуум

Континуум для ребенка — это его тело и его аффективность. Его тело сформировалось в определенном пространстве, рядом с его родителями, когда они там были. Когда родители уходят, когда это уже не то пространство, ребенок перестает находить себя в своем теле, то есть в своих пространственных и временных координатах, потому что одно зависит от другого. И наоборот, когда родители расстаются, а ребенок остается в пространстве, в котором они жили вместе, у него есть опосредование и работа развода выполняется для него гораздо лучше. В противном случае, поскольку он телесно идентифицирован с домом, в котором живет, когда дом разрушен из-за отсутствия одного из родителей или из-за распада пары, или когда он сам вынужден его покинуть, ребенок сталкивается с двумя уровнями деструктуриации: пространственным уровнем, который отражается на теле, и аффективным уровнем диссоциированных чувств.

До какого возраста это продолжается?

До восьми-девяти лет, до семи для некоторых детей, которых поддерживает речь третьего человека, помогающего им понять развод как ответственный поступок со стороны родителей.

Ребенок не сможет понять развод, не сможет все-речь проделать аффективную работу, когда он совсем маленький, если не останется в том же пространстве. Там, где это возможно, лучше оставить квартиру детям, а родители пусть по очереди выполняют в ней свои «родительские обязанности». Постоянным местом жительства ребенка должно быть место, в котором он жил со своими родителями и в котором он останется с одним из них.

Это касается не только дома, но и школы, если речь о детях семи или восьми лет. Ребенку противопоказано после развода менять школу. Можно быть уверенными, что он на два года отстанет в школе. Он больше не сможет прилежно учиться, потому что разрывается.

Когда развод происходит во время учебного года и ребенок уходит из своей школы, переезжая жить в другое место, это тоже очень вредно. Ребенок вдвойне находится в смятении. С одной стороны, нарушается его интимное бытие субъекта, сформированного этими двумя структурирующими людьми. С другой стороны, нарушается его социальное бытие, зависящее от его сверстников и одноклассников. Он будет вынужден привыкать к новым товарищам, которые спросят у него, почему он пришел к ним во время учебного года. Отсюда его смятение.

Бывает, что для того, чтобы избежать конфликта, ребенку не говорят правду и в качестве объяснения заявляют: «Твой папа/мама уехал (а) на время в путеше-

стве». Но ведь отец (мать) так и не возвращается из путешествия. В этом случае, даже если ребенок продолжает учиться в той же школе, это все равно не поможет, потому что его социальный континуум был разрушен тем, что ему не сказали правду о новой жизни родителей, которые разошлись.

Ты говоришь о нарушении интимного бытия. Директор начальной школы пишет: «В момент распада брака ребенок становится болезненно-мрачным. Он больше не играет в классе. Он «витает в облаках» и погружен в свои мысли»⁵.

Это языковое поведение, выражающее глубокое смятение, для которого ребенок не находит слов. Чтобы говорить, нужна целостность, а не раздробленность на части. С другой стороны, ребенок должен чувствовать, что имеет право говорить об этой проблеме, и говорить словами, которые дадут ему его родители, чтобы рассказывать об этом чужим людям.

То же самое поведение, о котором ты говоришь, можно заметить у ребенка, только что узнавшего о том, что его отец или мать больны раком или, что его бабушка или дедушка только что умерли. Такие же реакции могут появиться, если ребенок мельком услышал, что дела его отца плохи и что, возможно, через несколько недель тот станет безработным. Это поведение характерно не только для ситуации расставания родителей. Оно свидетельствует о глубоком потрясении, которое переживает ребенок.

---

⁵ J.-M. Bonneville. Le point de vue de l'enseignant // Conférences du Comité national de l'enfance dans le cadre des Entretiens de Bichat, « L'enfant et l'instabilité du couple parental », 28 septembre 1983, publié par le CNE, 51, av. F.D.-Roosevelt, Paris.

2

ГОВОРИТЬ ИЛИ НЕ ГОВОРИТЬ?

Ты сейчас говорила о резкой деструктуризации аффективности у ребенка. Можешь рассказать, когда и как объявлять ребенку о разводе? Брошюры и пособия по разводу уделяют детям всего несколько строк. Комиссия по защите детей от развода⁶, в которой ты участвовала, предложила издать специальную брошюру с целью привлечения внимания родителей к трудностям, с которыми сталкиваются дети.

Никто всерьез не собирался выпускать эту брошюру. Она обсуждалась. Я со своей стороны сказала следующее: «Брошюры недостаточно. Людям нужно, чтобы с ними кто-то поговорил о разводе, с ними и с их детьми одновременно». Самое главное — заранее предупредить детей о том, что готовится в самом начале процедуры и о том, какое решение было принято в ее конце, даже если это дети, которые еще не умеют ходить. Ребенок должен услышать правильные слова о решениях, которые приняли его родители и которые подтверждены судьей.

В Квебеке, когда семья проходит натурализацию, устраивают небольшую церемонию. В ней участвует вся семья, родители, дети, вплоть до младенцев. Каждого вызывают по отдельности и объявляют гражданином страны, которая предоставляет ему все права при условии, что он будет уважать закон, ему зачитываются соответствующие статьи Конституции. Ребенок, кото-

---

⁶ Ministère délégué chargé de la Condition féminine. La Garde des enfants du divorce, Paris, mars 1981 (ronéo), p. 32.

рый еще не говорит, тоже должен присутствовать на церемонии, так как считается, что он тоже гражданин с рождения.

Точно так же важно, чтобы дети знали, что развод их родителей узаконен в суде, что отныне у их родителей другие права, но при этом, даже освободившись от неперемнной верности друг другу и обязанности вместе жить, они не могут быть освобождены от «родительского» долга, порядок осуществления которого устанавливает суд.

Развод не менее почтенен, чем брак. Из-за молчания, которым окружен развод, детям начинает казаться, что это что-то «неприличное», якобы потому, что он сопровождается страданиями. Однако если у вас перелом ноги, вы же не скрываете его как что-то «постыдное» только на том основании, что вам больно.

Сама по себе брошюра родителям не поможет. Им нужно поделиться своими аффектами с кем-то, кто им помогает, потому что им трудно смириться с мыслью, что им придется причинить боль своим детям и что этого не избежать.

Ты можешь объяснить, что ты имеешь в виду, когда говоришь «поделиться аффектами»?

«Поделиться» в том смысле, что оба родителя должны гуманизировать свое расставание, проговорить его, а не держать при себе в форме невысказанной тревоги, которая выражается только перепадами настроения, депрессией или возбуждением, которые дети очень хорошо чувствуют как нарушение безопасности, которую им должны обеспечивать родители. Родители должны в полной мере принять на себя ответственность за свое расставание и проделать подготовительную работу. Не-

которым не нужно третье лицо, но таких людей мало. В аффективных состояниях невозможно говорить, если нет третьего. Именно поэтому прежде, чем подавать на развод, супругам желательно высказать в присутствии третьего лица причины, по которым они не видят другого решения, кроме развода, и доказать, что они делают это всерьез, а не из-за мимолетных эмоциональный переживаний. Когда люди говорят в присутствии третьего лица, это мобилизует их аффекты и влечения и волей-неволей делает возможной работу на уровне бессознательного. Если они изложат свои трудности перед третьим лицом, это может помочь супругам признать, что их отношения были неудовлетворительными, признать свое поражение и принять зрелое решение. Тогда они могут сказать детям, что у них серьезные разногласия, что эти проблемы так просто не решатся. С этого момента детям придется нести эту ношу вместе с родителями.

До сих пор ты говорила о том, чтобы делиться аффектами, вне рамок юридической процедуры. Как ты думаешь, возможно это в рамках самой этой процедуры?

Возможно, но в иной форме, потому что тогда пара или один из супругов уже участвуют в этой процедуре. Как правило, происходят симптоматичные сдвиги, разные у разных пар: кто-то требует передачи по суду некоторых предметов, кто-то упорно желает оставить себе фамилию мужа, кто-то хочет любой ценой добиться права опеки над детьми, а кто-то никак не договорится о размерах алиментов. «Пунктики» у всех разные.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru